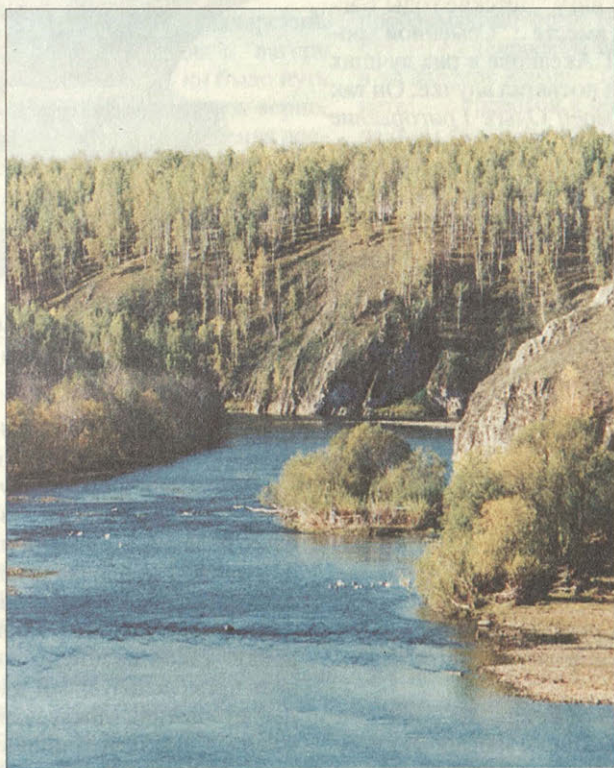

Аксаковская тропа

Быль о великом семьянине

Михаил Чванов,
писатель

Недавно в одной из школ я задал вопрос двум десятым классам: "Читал ли кто-нибудь или хотя бы слышал о Сергее Тимофеевиче Аксакове?"

В ответ было молчание.

Свою главную книгу "Детские годы Багрова-внука", которая вместе с "Семейной хроникой" поставила С.Т.Аксакова в ряд лучших русских писателей, он посвятил внучке. Он так и написал: "Внучке моей Ольге Григорьевне Аксаковой", хотя, когда начал писать книгу, ей было 6, а в год написания исполнилось всего 9 лет.

Ну посвятил и посвятил! Не он первый – принято посвящать родственникам. Правда, посвящают чаще родителям, реже – женам, в благодарность за мученичество, ибо, наверное, нет трудней доли, чем быть женой писателя. А он вот посвятил внучке, да еще написал – не Оле, не Оленьке, а "Ольге Григорьевне Аксаковой". Что это – дедовская слабость или своеобразный наказ в жизни?

"Семейная хроника" и "Детские годы Багрова-внука", по сути дела, составляют единое произведение и резко выделяются из всего остального творческого наследия С.Т.Аксакова. Они по сей день имеют, несмотря на подчеркнутую простоту и неприязнательность рассказа, какую-то необыкновенную, почти необъяснимую силу.

По вполне понятным причинам у нас сложился ограниченный, этакий идиллически-судальный образ С.Т.Аксакова, как далекого от общественно-политического движения своего времени писателя-краеведа, мастера пейзажа: "Как о рыбной ловле, об охоте написал! О грибах написать собирался, но вот, жалко, не успел..." Ладно, что хоть такую "характеристику" выдали, странно, что вообще грязью не вымазали, хотя тут старался сам нарком не

Памятник С.Т. Аксакову
у Аксаковского народного дома в Уфе

только по просвещению, но и по литературоведению – А.В.Луначарский.

Например, в 1932 году он писал: "...Литературовед должен будет, во-первых, установить факт наличия в русской литературе околореформенной поры значительной группы писателей-идеологов крепостничества. Этот лагерь сам по себе не очень многочислен, но в него войдут такие писатели, как Сергей Аксаков, этот прекраснодушный идеализатор феодальных отношений между помещиками и крестьянами ("Семейная хроника"), такой зубр феодальной аристократии, как Маркевич, такой реакционный поэт-усадебник, как Фет, и некоторые другие. Это лагерь людей, отрицающих какой бы то ни было путь капиталистического развития, мечтающих о возвращении к пореформенным социальным отношениям, лагерь защитников реакционной крепостнической утопии".

Можно ли придумать что-нибудь кощунственнее по отношению к человеку, который всю жизнь боролся с крепостничеством во всех его разновидностях и проявлениях. Эту ненависть к крепостничеству он привил всем своим детям без исключения. И даже его последние слова в этой жизни, как завещание, были об отмене крепостного права. Откройте, к примеру, “Воспоминания...” Аполлона Григорьева: “Сергей Тимофеевич Аксаков кончил свое поприще... высокой эпопеей о Степане Багрове, Записками об охоте, Детских годах, в которых во всем являлся великим и простым поэтом природы и умирающей рукой писал гимн освобождения от великого рабства любимого народа, любимого им всеми силами широкой святой и простой души”. Гимном освобождения от векового крепостного рабства Аполлон Григорьев назвал стихотворение “При вести о грядущем освобождении крестьян”, которое И.С.Аксаков смог опубликовать только уже после смерти Сергея Тимофеевича, лишь в 1861 году.

Единственное, в чем прав был Луначарский, действительно, С.Т.Аксаков входил в “лагерь людей, отрицающих какой бы то ни было путь капиталистического развития”. Что уж верно, то верно: в капитализме панацею спасения родного народа Сергей Тимофеевич не видел... Что это – горькая усмешка судьбы, нелепая случайность или все-таки продуманный и расчетливый шаг? Но до последнего времени сад в Уфе, в котором стоял дом, где родился С.Т.Аксаков, носил имя А.В.Луначарского, который, наверно, более, чем кто другой, причастен ко лжи, словно паучьи тенета, напутанной вокруг С.Т.Аксакова, его сыновей, вокруг общественно-политического движения, которое они олицетворяли.

... Сложилось этакое представление: ну решил хороший русский человек Сергей Тимофеевич Аксаков на старости лет написать воспоминания о своем детстве – и оказался неожиданный талант, неожиданный прежде всего для самого С.Т.Аксакова, которого нет в других его произведениях – есть тут какая-то загадка.

Нет тут загадки. Неожиданно подобные вещи не рождаются. Не все знают: дело еще в том, что С.Т.Аксаков, может быть, впервые в своем творчестве ставил перед собой сверхзадачу. Обратим, наконец, внимание на записку, которая сохранилась в его бумагах: “Есть у меня заветная дума, которая меня давно днем и ночью занимает, но Бог не посылает мне разума и вдохновения для ее исполнения. Я желаю написать такую книгу для детей, какой не было в литературе... Такая книга надолго бы сохранила благодарную память обо мне во всей

грамотной России... Тайна в том, что книга должна быть написана, не подделываясь к детскому возрасту, а как будто для взрослых и чтобы не только не было нравучений (всего этого дети не любят), но чтоб не было намека на нравственное впечатление и чтоб исполнение было художественное в высшей степени”.

Увидеть и услышать в Аксакове только краеведа – это, по сути дела, не понять его. Удивительнейшее мастерство пейзажа чуть ли не стало его виной и бедой, что он оказался непонятым и неуслышанным. Одним это дало возможность обвинить его в уходе от жизни, от социально-политических проблем современности, другим не увидеть за этим прекрасным пейзажем, ослепившим их, круг идейно-нравственных проблем, поставленных им, и, кстати, тесно связанных с этим пейзажем. Ведь именно он первым, по крайней мере в русской литературе, еще, можно сказать, в век первозаданной, почти не тронутой человеком природы, когда еще не только думать не думали, но и догадываться-то, кажется, даже не могли о тех проблемах, которые так больно и остро встали перед человеком полтора века спустя, еще в то далекое время – одним из первых на планете! – с тревогой и болью сказал об экологическом будущем человечества: что природа – мать наша, а мы ее малые дети и что в единстве с природой, в гармонии с ней, а не в противоборстве возможен нравственный человек. Без всего этого – он весьма опасное существо на планете как для всех других биологических видов, так и для самого себя.

Сергей Тимофеевич деликатно, ненавязчиво предостерег нас, если мы не восстановим семейные отношения с природой, нас ждет непоправимая беда. Мы не услышали, более того, мы стали безжалостно уничтожать ее как раз на родине Аксакова, в Уфе. Менделеев, побывав здесь на рубеже нынешнего века, уже со всей суровостью и откровенностью обозначил размеры будущей беды: “Тот горный узел питает воды, сгущает осадки и тем самым определяет на громадной площади жизнь русских людей. Истоши здесь леса – пустыни станут не только сами горы, но и плоскости, населенные миллионами русских... На Урале никоим образом не следует допускать истощения лесов...”

Природа в произведениях Аксакова... Она – не фон или пейзаж, где происходит действие. Она сама – действующее лицо, и может быть, самое главное. И я не случайно вспоминаю великого русского художника Михаила Васильевича Нестерова. Что прежде всего их объединяет? Это – согласие в их произведениях, духовное и физическое, глубинное и неразрывное:

Матери-природы и Человека-сына. Они живут в их произведениях единой, согласной и счастливой семьей. Он и человек-то до тех пор, покуда помнит это. И Сергей Радонежский у Нестерова всегда среди природы, и благословляет на подвиг Дмитрия Донского не только он, но и природа.

Что касается С.Т.Аксакова, то он жил в редкостной гармонии со своим творчеством и со своими идеалами: удивительно добрая и теплая была атмосфера этой семьи, крепкой родовыми и национальными традициями. Это была настоящая русская семья, большая, дружная, сильная авторитетом отца, главы семейства, и не менее – авторитетом матери. Более того, как она держалась как раз на неукоснительном авторитете Ольги Семеновны, дочери кутузовского генерала. И удивительно, сколько русского было в этой в общем-то не очень русской семье (как и в Пушкине, Жуковском, Лермонтове, Дале, Флоренском...) – фамилия явно тюркская, жена – полутурчанка. Может быть, мы имеем перед собой лишнее доказательство, что все истинно русское – всечеловеческое?

Семья Аксаковых. В этой семье никогда не существовало проблемы отцов и детей. У здорового дерева не может быть противоречия между корнями и кроной. В здоровом обществе не может быть проблемы отцов и детей. К сожалению, почти вся отечественная словесность после Аксакова все более и более была посвящена этой печальной проблеме. И это была не блажь ее – она лишь с той или иной долей честности отображала трагическую объективность, хронически запущенную болезнь, которая в конце концов привела нас к национальной катастрофе.

В пятидесятую годовщину смерти С.Т.Аксакова в одной из статей, посвященных его памяти, особым шрифтом были выделены слова: “Аксаков по чистоте души был истинно русский человек... Аксаков дорог России как духовный отец того умственного течения, которое сделалось центром славянофильского движения”.

Мне кажется, очень точно сказано, потому как была у нас очевидная тенденция оторвать С.Т.Аксакова от его “неблагополучных” сыновей. Его мы вроде признали “своим”, хотя и “далекого от общественно-политической борьбы” описывателя русской природы, он сам по себе, а они – со своими странными мыслями о России, о едином человечестве – сами по себе, как бы совсем от других корней и к нему никакого отношения не имеют, более того, своим существованием как бы ставят его в неловкое положение...

С.Т.Аксаков видел в основе здорового и гармоничного бытия семью. Его старший сын, Константин Сергеевич, духовный продолжатель его дела, – находясь вместе с В.Г.Белинским и М.Бакуниным в кружке Станкевича, в 16 лет решительно порвал с ними: слишком прочный нравственный фундамент заложил в него отец, чтобы он мог соблазниться кровавым путем. Он закладывал теоретические основы народного семейного бытия, видя его в “миру”, в русской крестьянской общине. Он говорил: “Начало общины есть по преимуществу начало славянского племени и в особенности русского народа, давшему ему кроме слова “община” (вполне русского, но несколько книжного) иное жизненное наименование: “мир”. Константин Сергеевич, как ему казалось, – а это казалось не только ему, – подметил особую черту русского народа, в развитии которой он просматривал будущую общность всего человечества. Но видел он ее не в уничтожении национального, личного ради этого общинного, что потом у нас проповедовалось и внедрялось, а наоборот: один народ входит во всечеловечество, как семья входит составной частью в народ. Он писал: “Народность есть личность народа, точно так же, как человек не может быть без личности, так и народ без народности. Да, нужно признать всякую народность, из совокупности их слагается общечеловеческий хор... Нет, пусть свободно и ярко цветут все народности в человеческом мире; только они дают действительность и энергию труду народов. Да здравствует каждая народность!”

Другой его сын, Иван Сергеевич, о котором кто-то из современников сказал, “что он сильнее всего чувствует себя русским в трех случаях: когда слушает древние песнопения, когда слышит русскую народную песню и когда читает речи и статьи Ивана Аксакова о “наших русских делах”, распространил это семейное чувство на отношения между славянскими народами. Велика его роль в освобождении южных славян от иностранного ига. Он не только собирал средства на освободительное движение, он был его идейным вдохновителем, он вынуждал русское правительство действовать. Болгарские ополченцы называли себя “детьми Аксакова”. Их форма, вошедшая в историю как “пехотная болгарка”, была придумана И.С.Аксаковым. Всерьез обсуждалась идея выдвижения его на болгарский трон. Чешская газета “Народни листу”, оплакивая его, скончавшегося от разрыва сердца, писала: “...в Аксакове народ русский потерял одного из величайших деятелей, и все остальное славянство оплакивает защитника и преданнейшего

друга". И мы должны быть глубоко благодарны братьям-болгарам, что они сохранили в своих сердцах память о нем. 150-летие со дня рождения, 100-летие со дня смерти И.С.Аксакова (1823–1886) никоим образом не было отмечено в нашей стране, болгарские же газеты этим датам посвятили целые полосы. Имя Ивана Аксакова носит одна из центральных улиц болгарской столицы, улицы в других городах, село около Варны.

Были и по сей день предпринимаются попытки занести Аксаковых в разряд русских националистов. Это низкая ложь извечных истинных националистов, великих мастеров подмены. Семейное братское чувство Иван Сергеевич, как и другие славянофилы, как и все русские люди, распространяли и на другие народы. Не менее России, наверное, любил он Украину (как, впрочем, все в семье: сестра Надежда так пела украинские песни, что заслушивались украинцы), за описание украинских ярмарок ему будет присуждена Константиновская медаль, а позднее – Демидовская премия Академии наук. И в завершение своего рассказа об И.С.Аксакове хочу сказать, что похоронен он, кажется, единственный из мирских, – в основанной Сергием Радонежским Троице-Сергиевой лавре...

Как это ни парадоксально, как ни горько, Константин и Иван Сергеевичи, проповедуя семью, семейные отношения в народе и между народами, не оставили после себя детей. Они целиком отдали себя родному народу. Они как бы тянули небесный путь будущего всечеловечества. И только средний брат, Григорий Сергеевич, прокладывал земную дорогу: он продолжал аксаковский род на земле: это его дочери посвятил Сергей Тимофеевич свою прекрасную книжку.

О Григории Сергеевиче мы знаем менее других братьев, хотя личностью по-своему он был не менее значительной.

Более того, мы о нем почти ничего не знаем, и боюсь, что ничего и не узнаем. Он остался для нас своего рода тенью своих знаменитых братьев, потому что Константин и Иван Сергеевичи сделали свои мысли и дела общественным достоянием, а он был скромным тружеником земной нивы и в то же время их страстным подвижником: он стал государственным чиновником и на этой ниве служил России. Большинство из нас даже не подозревает, что у Константина и Ивана Сергеевичей был такой брат, и потому я расскажу о нем подробнее, хотя сделать это не просто.

Если Константина Сергей Тимофеевич отдался даже в пансион Погодина в Москве: старший должен быть примером в

семье и поэтому жить дома, то Григория он без всяких сомнений решил отправить в Петербург, в училище правоведения, в которое вслед за ним поступит и Иван – Сергей Тимофеевич к тому времени был уверен: он вложил в сыновей достаточно добра, что может не бояться ничего вредного влияния на них. Единственный наказ он отдал сыну – при всех своих поступках, а особенно при доставшихся в наследство вспышках гнева и вспыльчивости, думать об отце с матерью: чем это для них обернется.

В скором времени Гриша прислал письмо, в котором, опасаясь, что знакомыми будет истолковано в ложном свете, рассказывал родителям, что с ним случилось. К одному из его товарищей приехали родственники, и кое-кто из учащихся посмеялся над ними. Гриша не только не участвовал в этом, но даже пытался тех остановить. Но директор, не вникнув в суть дела, наказал весь класс, виновных и невиновных, всех, кроме Гриши. Юноша не мог согласиться с такой несправедливостью, пошел к директору и попросил, чтобы в таком случае наказали и его. Вместо того чтобы по достоинству оценить поступок молодого человека, директор вышел из себя, пригрозил даже определением в солдаты. Кровь ударила в лицо Гриши, в таком состоянии он мог сотворить и тем более наговорить что угодно, но в этот момент вспомнил об обещании, которое дал отцу с матерью – и сдержал себя. Только глаза его горели таким огнем, что директор от греха подалежке выбежал из кабинета...

В 1844 году Сергей Тимофеевич, довольный своими сыновьями, написал Гоголю: "Костя переписывает набело свою диссертацию, Иван возвращается с ревизии из Астрахани, где он действовал с неожиданным, изумительным даже для меня достоинством мужа, а не юноши; Гриша служит товарищем председателя Гражданской палаты во Владимире и, хотя не изумляет меня, но утешает более Ивана..."

С 1861 по 1867 год Григорий Сергеевич был гражданским губернатором на родине отца, в Уфе, при нем произошло освобождение крестьян. В 1867 году он был переведен в Самару, с неохотой распростившиеся с ним уфимцы избрали его почетным гражданином города.

...Редкостные для других качества, для Григория Сергеевича, как брата Константина и Ивана Сергеевичей, считались само собой разумеющимися, никого не удивляли, и потому считалось необязательным сколько-нибудь подробно о Григории Сергеевиче писать. И в Уфе по этой причине ничто не напоминает о Григории Сергеевиче Аксакове, большинство даже не подозревает, что был такой губернатор.

О губернаторе Наврозове мы знаем потому, что, борясь с холерой, он сжег город, предварительно обложив его навозом, о “губернаторе” Шакирове, недавнем первом секретаре обкома, потому, что довел город до состояния экологической катастрофы, а о губернаторе Аксакове – ничего, словно его и не было, потому как делал одно добро.

Удивительным человеком была и жена его, Софья Александровна Шишкова, дочь самарского помещика, родственница известного государственного деятеля, вице-адмирала А.С.Шишкова, служившего в разные годы государственным секретарем, министром народного образования, президентом Российской академии, близкого С.Т.Аксакову человека. Софья Александровна Аксакова-Шишкова была попечительницей Уфимской женской гимназии. По ее инициативе в Уфе было построено первое театральное здание. Одна из прекраснейших в городе липовых аллей по улице, которая ныне зовется Тукаевской, посажена тоже под ее руководством и до недавнего времени она ласково называлась Софьюшкинской аллеей, или Софьиным садом, хотя официально была названа Театральным садом. Она помогала бедным и обиженным. Так уж она была воспитана... Впрочем, я полностью согласен с С.А.Венгеровым, когда он писал об Аксаковых: “Сила этой семейной любви была так велика, что заражала и тех, которые к ней примыкали позднее. Так, жена Григория Сергеевича была не просто невестка, а стала настоящей дочерью!..”

Константин и Иван Сергеевичи тянули небесный путь, а Григорий Сергеевич рядом с ними прокладывал нелегкую, тернистую земную дорогу. У земного пути, несмотря на все трудности и ухабы, все-таки больше опор, и он прожил дольше своих братьев и одарил Сергея Тимофеевича единственной внучкой, Ольгой Григорьевной Аксаковой, скромной продолжательницей его дела на земле.

И в завершение рассказа о Григории Сергеевиче давайте не забудем, что именно он “подыскал” Абрамцево. Сколько до того искали, но “то есть лес, нет воды”. И вдруг Абрамцево... Он помнил, что отца называли в честь святого Сергия, что всю жизнь его тянуло туда, и потому снова поехал искать в окрестности Троицы... И лес, полный грибов, и река Воря, так похожая на реку детства Дёму и обильная рыбой! И с балкона виднелся Хотьковский женский монастырь, где покоился прах Марии и Кирилла, родителей Сергия Радонежского...

Но вернемся в Уфимскую губернию, точнее, в Белебеевский уезд. Рядом с Надежди-

ным (описанным С.Т.Аксаковым в “Детских годах Багрова-внука” под именем Парашина), где родился Иван Сергеевич, где провел раннее детство Константин Сергеевич, в основании небольшого холма, называемого Дунюшкиной горой, я нашел вросший в землю каменный четырехугольник. Мне объяснили, что это остатки усадьбы Ольги Григорьевны Аксаковой.

Мимо ныне голой Дунюшкиной горы стучат поезда. Некоторые останавливаются на станции Аксаково. Когда в начале века тянули мимо Надеждина Великую Транссибирскую магистраль, основанную здесь станцию называли именем С.Т.Аксакова.

Ольга Григорьевна Аксакова! Удивительно светлым и чистым она была человеком! Среди множества других больших и малых дел она основала в 1889 году одну из первых в стране и первую в Башкирии кумысолечебницу для туберкулезных больных, которая и выросла в современный санаторий – курорт “Аксаково” вблизи города Белебея. Родившаяся в семье народных подвижников, она не могла не стать народной подвижницей. Посвящая ей свою книгу, Сергей Тимофеевич свято верил ей. А она кроме того свято помнила, что Надеждино было подарено прадеду его теткой, Надеждой Ивановной Аксаковой, выведенной С.Т.Аксаковым в “Семейной хронике” под именем Прасковьи Ивановны Багровой-Куролесовой. Дочь шкипера морского флота Ивана Петровича Аксакова, будучи бездетной, она по духовному завещанию определила: “...записанных за мной по пятой ревизии, Симбирского уезда, в селе Троицком, Чуфарово тож, крестьян 264 мужского пола, со всеми их семействами и со всеми, принадлежащими к оному землями, отныне и навсегда, вечно и потомственно, оставляю вольными хлебопашцами, с тем, чтобы они, сверх обыкновенных податей, платили ежегодно, с каждой души по два рубля, в Симбирский приказ общественного призрения на содержание существующей в Симбирске Александровской больницы”. Она также отдавала своим крестьянам большой фруктовый сад, два каменных флигеля и две мукомольные мельницы. Господский же дом она завещала на слом племяннику своему Тимофею Аксакову, – непременно на слом, – чтобы ни у кого не было соблазна после смерти ее воцариться тут. Ее опасения оказались не напрасными. Так оно и случилось: наследники опротестовали ее завещание и снова закрепили крестьян, что дало возможность Н.В.Щелгунову и некоторым другим, ревниво относящимся к С.Т.Аксакову людям, с некоторой язвинкой намекнуть на то, что не такие уж святые люди были эти самые Аксаковы, не удосужась узнать, или делая вид

что не знают, что наследники были как раз не Аксаковы.

Удивительно цельная и совестливая семья, чувствующая обостренную ответственность перед родным народом и у которой мы многому должны учиться! Как много каждый из ее членов сделал для своего народа, для того, чтобы мы помнили о ней, хотя делали они это совсем не ради славы, это было их естественной необходимостью. Ольга Григорьевна не посрамила посвящения ей “Детских годов Багровавука”, это посвящение накладывало на нее большую ответственность, и она с честью пронесла его по своей жизни. При содействии Ольги Григорьевны были изданы многие рукописи из семейного архива Аксаковых, в частности, “Дневник Веры Сергеевны Аксаковой, 1854–1865”. Вместе с А.Ф.Тютчевой-Аксаковой она издает четырехтомник “Иван Сергеевич Аксаков в его письмах”.

В именном указателе к четырехтомному собранию сочинений С.Т.Аксакова вместо даты смерти Ольги Григорьевны стоит прочерк и вопрос. В Уфе славные и светлые старички Андрей Андреевич и Марина Ивановна Мейеры рассказывали мне о последних днях ее жизни. Умерла она в 1921 году в развороченном гражданской войной селе Языкове Бузулукского уезда (ныне Борский район Самарской области), и, несмотря на все лишения, которые ей пришлось претерпеть, не было в ее душе смятения или ненависти. Война была жестокая, как мы долго говорили, классовая, ожесточившая души людей, но языковские крестьяне не только не тронули свою помещицу, а, наоборот, охраняли, оберегали ее от всех бед, выдали ей нечто вроде охранной грамоты, учредили что-то вроде пенсии, собирая ее из добровольных пожертвований: кто меру муки, кто беремя дров... В марте 1920 года она так заканчивала письмо к своему крестнику Андрею Мейеру, студенту Томского университета: “Твоя старая-престарая крестная, которой с тех пор, как мы не виделись, пришлось пережить много тяжелого и трудного, но все-таки сравнительно с тем, что делается в других местах. Благодаря бога и языковских крестьян, которые охраняют меня, как только могут и умеют...”

Трех старших дочерей Сергей Тимофеевич назвал: Вера, Надежда, Любовь. Оказалось, что подобно братьям Константину и Ивану, они в меру своих скромных сил тянули, скорее, небесный путь, начертанный отцом... Особое место среди них занимала старшая, Вера. Как писал Иван Сергеевич, “она свято хранила заветы и предания всей нашей школы. Она для меня служила руководительницей и поверкой”.

Вере Сергеевне слепнувший Сергей Тимофеевич диктовал “Семейную хронику”, то есть, по сути дела, она была его редактором. Ей он, уже ослепший, диктовал все свои последние произведения. Бесценным документом к пониманию семейной и общественной жизни Аксаковых стал опубликованный в 1913 году уже упомянутый мною “Дневник Веры Сергеевны Аксаковой”. Самая младшая из сестер, Софья Сергеевна, внесла свою лепту в общее дело. Она сделала все, чтобы Абрамцево после ее смерти не попало в случайные руки, чтобы не погибло святое дело, начатое здесь. Посоветовавшись с Григорием Сергеевичем, в 1870 году она продала имение человеку богатейших дарований, страстно влюбленному в Россию и страстно думающему о ее будущем, крупному промышленнику и меценату Сергею Ивановичу Мамонтову. Она понимала, что Абрамцево, одно из сотен подмосковных имений, в соединении с именем отца, братьев, людей, бывавших в нем, вместе с соседним тютчевским Мурановом (на Анне Федоровне Тютчевой был женат Иван Сергеевич) и, разумеется, с Троице-Сергиевой лаврой, стало одним из нравственных центров России.

Семья Аксаковых. Ее патриарх, С.Т.Аксаков (впрочем, он сам лишь продолжатель давней семейной традиции), дал нам понять, что только в крепкой семье и семейных отношениях с природой возможно наше будущее...

Между прочим, А.В.Луначарский, бросая в могилы С.Т.Аксакова и славянофилов очередное обвинение: “Помещики-славянофилы – это “деревенщина”. Вся семья Аксаковых – это люди, не оторвавшиеся от земли”, – видимо, не подозревал, что тем самым воздает им великую хвалу. Люди, не оторвавшиеся от земли!

* * *

День рождения С.Т.Аксакова на его могиле на Новодевичьем кладбище (куда прах был перенесен после уничтожения московского Симонова монастыря, могилы остальных Аксаковых были просто затоптаны) я увидел молодого человека. Я почему-то не решился к нему подойти: его звали Сергей Аксаков... У Григория Сергеевича кроме дочери Ольги был сын, которого он назвал в честь отца Сергеем. О нем, к сожалению, мы ничего не знаем. Его сын, Сергей Сергеевич (1892–1968) стал... белорусским композитором, известна, например, его поэма для оркестра “Лесная сказка” по мотивам стихов Якуба Коласа. И вот внук его теперь стоял над могилой Аксакова...

Эссе полностью опубликовано в кн.: Чванов М.А. Время концов и начал. Уфа: Китап, 1994.